

Е.Н.Яркова

УТИЛИТАРИЗМ В РОССИИ:

ИДЕИ И ПРАКТИКА

(Часть 2)

Яркова Елена Николаевна – кандидат культурологии, Киргизско-Российский Славянский университет (г.Бишкек).

МЕТАМОРФОЗЫ УТИЛИТАРИЗМА

В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Советский период ознаменован рождением нового социокультурного варианта утилитаризма, который условно можно обозначить как коммунистический утилитаризм. Отнесение коммунистической нравственности к утилитарному типу с позиций советской марксистско-ленинской этической философской доктрины выглядит как нонсенс. Утилитаризм как этическая теория и принцип поведения в рамках официальной коммунистической идеологии оценивался как антиидеал, атрибут враждебного буржуазного мира. Это было обусловлено, с одной стороны, установкой на уникальность коммунистической нравственности как “высшей ступени развития морали человечества”, с другой стороны, решительное отмежевание коммунизма от утилитаризма зиждилось на сведении утилитаризма как такового к развитым его формам, тогда как умеренные не рассматривались как проявления утилитаризма. Так, идея общей пользы не квалифицировалась как утилитарная и противопоставлялась идее пользы индивидуальной как добро злу. Однако анализ коммунистической нравственности, изучение ее принципов и моральных норм показывают, что она была пропитана утилитарными смыслами, утилитаризм составлял ее сущность и качественную специфику. Конечно, из этого не следует, что большевистский утилитаризм был “родным братом” утилитаризма И.Бентама и Дж. С.Милля. Между этими двумя историческими модификациями утилитаризма лежала пропасть: если последний был законченным воплощением развитого утилитаризма, то первый являл собой образец умеренного.

Главенство нравственных ориентаций умеренного утилитаризма определилось уже на этапе формирования коммунистической морали. В ее ценностный ассортимент входили практически все универсально-формальные атрибуты умеренного утилитаризма: идея народного блага, уравнительной справедливости, критерий оценки окружающей реальности с позиций практической пользы. Утилитарный склад коммунистической идеологии проявлялся в ее лексике, где в изобилии были представлены типично утилитарные концепты: “счастье народа”, “народное благо”, “общество всеобщей справедливости и равенства”. Любопытно, что даже сами идеологи большевизма, при всей неприязни к утилитаризму как таковому, не могли не признавать, хотя и с оговорками, присутствие утилитарных качеств в большевистском характере. Например, Л.Д.Троцкий писал о В.И.Ленине: “Это был самый, может быть, напряженный утилитарист, какого когда-либо выпускала лаборатория истории. Но так как его утилитаризм – широчайшего исторического захвата, то личность от этого не сплющивалась, а наоборот, по мере роста жизненного опыта и сферы действия непрерывно развивалась и обогащалась”¹.

Являя собой целостную сложную систему идеалов, идеология большевизма складывалась из трех разноликих ипостасей.

Основу ценностной ипостаси, которую условно можно назвать догматической, составляла ценностно-смысловая триада идей: социализм (коммунизм), пролетариат, коммунистическая партия. В сущности, “тринитарный символ веры” большевизма возник в результате конкретизации некоторых универсальных идей умеренного утилитаризма – идеи пользы народа, уравнительной справедливости и т.п. Эмоциональная заряженность большевистского утилитаризма значительно подкреплялась за счет заимствованного у традиционализма принципа дуального деления мира на противоположные по смыслу центры. В качестве ценностной антитезы умеренного утилитаризма большевистская мораль выдвигала идеалы развитого утилитаризма. Революция рассматривалась как космический акт уничтожения антимира – капитализма, буржуазии, буржуазных партий.

Основу деятельностной ипостаси идеологической доктрины большевизма, которую условно можно назвать релятивистской, составлял утилитаристский принцип пользы. Обретая статус максимы, гласящей – “нравственно то, что

полезно делу социализма”, этот принцип превращался в универсальную программу деятельности, универсальный критерий истины.

Доведенный до абсолюта релятивизм не мог не вступать в противоречия с догматическим ядром идеологии большевизма, подвергая ревизии какие-то его элементы, например, однозначно негативную оценку развитого утилитаризма, который под нажимом всеильного принципа пользы реинтерпретировался, например, как временный источник средств, приложимых для осуществления социалистических целей. Сферой совмещения двух ипостасей большевистского утилитаризма – догматической и релятивистской – стала его третья – рефлексивная ипостась. Именно она была теоретической лабораторией, в которой усилиями профессионалов-идеологов изменяющаяся реальность толковалась в неизменных категориях.

Большевистская идеократия служила мощным средством консервации умеренно-утилитаристских идеалов в массовом сознании: иждивенчески-потребительские настроения стимулировались государственной социальной политикой экспроприации и национализации частной собственности, “уравниловка” культивировала минималистскую этику труда, борьба с проявлениями мещанства тормозила рост потребностей, консервировала аскетическое отношение к повседневности. Однако даже в условиях жесткой идеократии массовая культура сохраняла определенную ценностно-смысловую автономию, следовательно, в пространстве нравственно-ментальных установок советского человека оставались зоны свободные от идеологических формул. Красногвардейская атака на капитал не смогла до конца вытравить дух частной инициативы и предпринимательства. Его веяния просачивались сквозь толщу уравнилительно-потребительских настроений. Однако в условиях большевистского антибуржуазного максимализма дух предпринимательства приобретал скрытые, двойственные формы. Даже беглое ознакомление со спецификой советского предпринимательства показывает, что подавляющее большинство представителей, условно говоря, советского бизнеса действовало в рамках полуполюгальности, полуполюгитимности, нравственной маргинальности. Поэтому и сам предприниматель не был предпринимателем в полном смысле слова скорее полупредпринимателем. Такого рода раздвоенность между умеренным и развитым утилитаризмом в целом была свойственна ментальности советского человека, который по своей нравственной сути был наполовину

винтиком государственной машины, наполовину независимым частным лицом. Утилитарная эволюция советского человека носила, условно говоря, прогрессивный характер: аскета и коллективиста постепенно вытеснял индивидуалист и прагматик.

Парадоксальным образом такая метаморфоза во многом была инициирована самой советской властной элитой. Нерентабельность санкционируемых коммунистической идеологией моделей деятельности, их низкая продуктивность стала проявляться уже в первые годы советской власти. Например, полная ликвидация экономических стимулов труда в период “военного коммунизма” влекла общий упадок хозяйства, деградацию экономики страны. Отсутствие утилитарной заинтересованности не мог компенсировать “голый энтузиазм”, насаждаемый новой социалистической этикой труда. Острая потребность в благах жизнеобеспечения заставляла советскую правящую элиту частично отступать от максималистской антибуржуазности, снимать жесткое табу на некоторые формы деятельности, продуцируемые культурой развитого утилитаризма. Динамика массового утилитаризма в советский период носила волнообразный характер – периоды подъема сменялись периодами спада. Маятникообразная форма этой динамики была результатом инверсионной логики власти, следующей формуле “шаг вперед, два шага назад”. Полное блокирование развитого утилитаризма вело к стагнации экономики, падению уровня жизни, голоду. Поэтому время от времени приходилось открывать шлюзы потокам частной инициативы, вводить элементы рыночных отношений. Однако последние не просто вносили диссонанс в ценностно-смысловой строй официальной идеологии, но содержали серьезную опасность дезинтеграции централизованной системы социализма. Страх потерять управление гигантским советским Левиафаном заставлял постоянно возвращаться к исходным антибуржуазным позициям.

Двойственная политика партии способствовала хоть и усеченному, но все же росту утилитаризма, который сопровождался изменением представлений о человеческом благе, расхождением этих представлений с социалистическим строем жизни. Кризис реального социализма можно рассматривать как итог восходящей утилитарной эволюции советского общества. Во многом он был обусловлен развитием утилитарных нравственных ориентаций, ростом потребностей, изменением представлений о человеческом благе, расхождением

этого представления с социалистическим строем жизни, рождением противоречия между представлением о благе человека и социализмом. Типичная для коммунистической нравственной доктрины ориентация на профанные смыслы бытия, полагание в качестве высшего блага земного посюстороннего счастья людей, определение материального благополучия как основы этого счастья не могли не вызвать к жизни идеи блага человека, т.е. индивидуализма, хотя бы только потребительского, прячущегося за ширму социалистического лозунга “от каждого по способностям – каждому по труду”. Советское государство, правящая партийная элита, следуя динамике приоритетов массового сознания, время от времени мушкетировала идею блага человека. Приметой позднего “развитого” социализма были, например, идеологемы “социализм с человеческим лицом”, “человеческий фактор”, которые свидетельствовали о проникновении в пространство смыслов социалистической идеологии некоторых элементов индивидуализма. Исследуя динамику советской идеологии можно наблюдать изменение соотношения составляющих ее ценностно-смысловых компонентов – сжатие традиционалистских сакральных смыслов и расширение утилитарных. В конечном итоге рост утилитаризма достигает уровня, на котором происходит распад ценностного симбиоза традиционализма и умеренного утилитаризма, составляющего ядро социалистической нравственности. Исследователи квалифицируют этот феномен как “распад советско-российского мессианского сознания и провозглашение единственной целью жить как все цивилизованные народы, т.е. хорошо”². Рамки социализма становятся слишком тесны для возросших представлений о материальном и социальном благе, социализм утрачивает статус “блага”, превращаясь в антиблаго, тогда как его ценностный антипод капитализм, напротив, накапливает позитивные коннотации.

УТИЛИТАРИЗМ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Важнейшей особенностью культуры постсоветской России является не столько беспрецедентная актуализация утилитаризма, сколько изменение его качественных характеристик. Быть может, впервые в истории культуры России массовый утилитаризм начал откалываться от традиционализма, синкретизма: идеалов коллективизма, уравнительности, патернализма. Вместе с тем нельзя не

заметить, что новоявленный российский развитый утилитаризм рождается не столько вследствие качественного роста почвенного утилитаризма, сколько в силу инверсии, маятникового перепада от идеалов умеренного утилитаризма к идеалам развитого утилитаризма. Новый русский деловой стиль во многом возникает на волне увлечения западной культурой, как имитация западных образцов деятельности, что достаточно наглядно проявляется, например, в лексике современного российского предпринимательского мира, где в изобилии представлены термины иностранного происхождения, или в таком феномене как долларový фетишизм. Инверсионное происхождение развитого утилитаризма, отсутствие “срединной культуры”, зоны медиации между умеренным и развитым утилитаризмом во многом определяют специфику утилитаризма в культуре пост советской России. Идеалы умеренного утилитаризма не вытесняются и не стираются начисто, но постоянно присутствуют в культуре как некий ее второй план. Практически для всех субкультур России характерен такой феномен как невероятное, алогичное соединение элементов развитого и умеренного утилитаризма. В литературе это явление получило различные наименования, например, “мутантный капитализм”³. Отсутствие механизма “снятия” в процессе перехода от умеренных форм утилитаризма к развитым, делает возможной возвратную инверсию от господства развитого утилитаризма к господству умеренного. Динамика утилитаризма в современном российском обществе складывается как целая серия микроциклов – метания от развитой формы утилитаризма к умеренной и обратно. Впрочем, эти метания нельзя назвать в полном смысле циклами, поскольку они присутствуют едва ли не в каждом решении, каждом историческом деянии, повседневных поступках людей. Замечания по поводу двойственности нравственных ориентаций “героя нашего времени” разбросаны по страницам современной социологической и культурологической литературы. Антиномичность ментальности современного россиянина иллюстрирует, например, такое высказывание: “...среди россиян очень редки люди целостного психологического типа... Подавляющее число наших современников в различных обстоятельствах ведут себя то как “протестанты”, то как секулярно ориентированные “циники”, то как платоны каратаевы, отделяющие себя “божественной апатией” от “этого мира развращенного”. Три экзистенциальных типа не противостоят друг другу, образуя в обществе целостные

психологические субкультуры, но, как правило, перетекают один в другой в сердце современного человека”⁴. Любопытно проследить статистику этого феномена. В видении аналитиков, современное общество разделилось на три группы: “...носителей патерналистско-эгалитаристского типа ментальности (примерно треть населения), индивидуалистско-либерального (около 20%), и, наконец, промежуточного (около 50%)”⁵.

Термин “массовый утилитаризм” в современном российском социальном контексте следует эксплицировать, в первую очередь, как утилитаризм социальных низов, составляющих большинство населения постсоветской России. Значительную часть социальных низов составляют сельские жители, а также горожане, чей род занятий относится к разряду социально непрестижных: рабочие, мелкие служащие и др. Утилитаризм этих слоев общества имеет свои специфические черты, однако налицо и типическая для постсоветского этапа развития русской культуры примета – алогичное соединение идеалов развитого и умеренного утилитаризма. При этом в массовом сознании приоритетные позиции по-прежнему занимают ценности умеренного утилитаризма. Сама двойственность массового утилитаризма – свидетельство высокой значимости идеалов умеренного утилитаризма и незрелости, поверхностности развитого. Элементы развитого утилитаризма получают распространение в массовой культуре не столько вследствие их массового прорастания, которое в условиях социализма едва ли было возможно, сколько в результате действия манихейских механизмов, заложенных в ядро социалистической нравственной доктрины – отпадения от идеалов социализма и поворота к идеалам его негативного двойника – капитализма. Речь идет, следовательно, не о формировании новой системы ценностей, основу которой составил бы развитый утилитаризм, но о перестановке смыслов в рамках некоторого неизменного целого. В результате такой перестановки возникает соединение несоединимого – традиционализма и элементов развитого утилитаризма, что и определяет, во-первых, амбивалентность современного массового сознания, во-вторых, его предрасположенность к обратной инверсии – от развитого утилитаризма к умеренному. Привлекательность соблазнов новой жизни не исключает ностальгической тоски по старой надежной, зачастую идеализируемой, жизни. А поскольку рост потребности в новых благах не сопровождается ростом их производства, конфликт между умеренным и развитым утилитаризмом не

снимается, но воспроизводится практически в неизменном виде. Типичное для перестроечного и постперестроечного времени движение в сторону ценностей развитого утилитаризма в последние годы сменяется возвратным движением, вызванным разочарованием в “капиталистических” моделях жизни. Ю.А.Левада, например, отмечает, что при выборе между ценностями успеха и стабильности устойчивое и растущее большинство современных россиян выражает предпочтение “советскому” образцу скромных и гарантированных доходов”⁶. Смена приоритетов массового утилитаризма закономерно влечет и распространение антизападнических настроений. Снижение престижа западной модели и усиление националистических тенденций показывают социологические опросы. Если, например, в 1996 г. 70% респондентов, отвечая на вопрос, какие страны они считают образцом для развития России, выбрали страны Запада, то по данным опроса, проведенного в июне 1999 г., 69% респондентов согласились с формулировкой “у России должен быть свой, особый путь развития”⁷.

Отсутствие развитых прагматических ориентаций характеризует современных рабочих. Это сказывается, например, в отношении к приватизированным в частную собственность средствам производства, которые, по свидетельству экономистов, большинство рабочих стремится продать: “...коллективы предприятий, получившие существенные льготы при приватизации, активно продают свои акции, причем особенно интенсивно на тех предприятиях, где они имели контрольный пакет, следовательно, трудовые коллективы не заинтересованы в сохранении контроля над собственным предприятием...”⁸. Присущий субкультуре современных наемных работников в России конформизм и пассивная выжидательная позиция рождает твердую убежденность руководителей предприятий, что они могут свободно манипулировать сроками оплаты труда в очень широком диапазоне, не опасаясь социального взрыва. В результате к задержкам начинают прибегать даже относительно успешные предприятия, располагающие необходимыми средствами для своевременной оплаты⁹. Конечно, процесс “утилитаризации” российского общества не обошел субкультуру рабочих. Многие из бывших пролетариев на практике осваивают “Школу рынка” – штучную торговлю “с рук”, лоточную и палаточную торговлю, ремесло “челнока”, торгового посредника, рантье. Однако нравственным двигателем этих коммерческих

начинаний является скорее умеренный утилитаризм. Яркий показатель – ситуация на вещевом рынке. Исследования мотиваций коммерческой деятельности показывают, что лидирующие позиции в системе мотиваций торговой деятельности занимают потребительские, но не предпринимательские стратегии. “Предпринимательскую стратегию обнаруживают ограниченное число респондентов – не более 15–20%”¹⁰.

Двойствен утилитаризм сельского населения России, что отражается в разногласии экспертных оценок. Например, одни исследователи отмечают “психологическую готовность к предпринимательству” жителей села¹¹. Другие полагают, что “...людей, способных к рыночному предпринимательству, учету спроса и предложения, в аграрном секторе пока меньшинство, преобладают прежние надежды на государство, привычка выступать в роли просителей”¹². На самом деле ситуация в аграрном секторе сложна и неодномерна. Типичной приметой современности является реанимация идеалов общинной жизни, частичное восстановление натурально-хозяйственных отношений. Неразвитость частнособственнических представлений проявляется, например, в отношении к проблеме земельных преобразований. Распространенной является позиция, согласно которой земля должна быть передана сельхозпредприятиям, а не гражданам. Идею наделения сельскохозяйственного предприятия правами земельной собственности при ограничении прав членов коллектива на выход из него со своим наделом в дебатах вокруг нового Земельного кодекса отстаивала аграрная фракция Государственной думы РФ и большинство представителей Аграрной партии России¹³. Дефицит духа развитого утилитаризма подтверждает и такой факт как провал программы ускоренной фермеризации сельского хозяйства. Конечно, здесь имеются и некоторые объективные причины – отсутствие института частной собственности на землю, запрет на свободную куплю-продажу земельных угодий.

В целом незрелость массового утилитаризма можно квалифицировать как культурную неготовность рядового россиянина к проведению либеральных рыночных реформ, его неспособность быть субъектом зрелых рыночных отношений.

Нравственная антиномия “умеренный утилитаризм – развитый утилитаризм” достаточно зрима в деятельности современной правящей российской элиты. “Обуржуазивание” российского государственного

истеблишмента, его отчуждение от социалистических умеренно-утилитаристских идеалов и принятие западных образцов жизни, моделей рыночной экономики, ценностей индивидуализма – одна из важнейших тенденций динамики культуры постсоветской России. Можно утверждать, что сегодня как никогда в прошлом ценностно-смысловое пространство субкультуры правящей элиты насыщено элементами развитого утилитаризма. Тем не менее говорить об их главенствующем положении по отношению к умеренному утилитаризму едва ли возможно.

Не претерпевает глубоких качественных сдвигов утилитаризм российской бюрократии. “Обуржуазивание” российского государственного истеблишмента обусловлено не столько прогрессивным движением к развитому производительному предпринимательскому утилитаризму, сколько регрессивным движением к утилитаризму примитивному, потребительскому, торгово-ростовщическому. Анализ бытующих в этике современного бюрократического мира норм показывает, что ведущие позиции в системе нравственных мотиваций деятельности государственных управленцев занимают отнюдь не достижительные ценности, не потребность созидания, но жажда наживы, стремление к личному обогащению. По данным социологов, “...у многих госслужащих стремительно падает заинтересованность в карьерном росте. Моральный подъем люди испытывают, скорее, от расширяющихся возможностей безнаказанно “подойти” свое рабочее место, нежели законным и заслуженным образом продвинуться по служебной лестнице”¹⁴. Профессиональная этика современной бюрократии, в видении аналитиков, предстает как “...по преимуществу свод приоритетов и правил взяточничества, своекорыстного исполнения служебных обязанностей, формального отношения к общественному долгу, игнорирования интересов и прав рядовых граждан”¹⁵. Умеренно-утилитаристские установки современной бюрократии вызывают к жизни такую уродливую форму правления как “бюрократическая олигархия”, которая возникает в результате сращивания остаточных элементов социализма и примитивного непроизводительного капитализма¹⁶. Отношение бюрократической олигархии к реальному предпринимательству также координируется моральными установками умеренного утилитаризма – предпринимательство рассматривается как источник личной пользы, средство материального обогащения. Между структурами государственной власти и

бизнес-структурами складываются патронажно-клиентельные отношения, предполагающие обмен покровительства “патрона” на лояльность “клиента”. Разумеется, такого рода отношения не только не стимулируют развитие рынка, но, создавая противовес рыночным отношениям, блокируют их действие¹⁷. Закономерным итогом этих процессов становится слияние высшей бюрократии с экономической элитой.

Примат умеренного утилитаризма в системе нравственных ориентиров современной правящей российской элиты проявляется в таком феномене как ориентация на заимствование готовых образцов деятельности. Ценностно-смысловая фабула постсоветских российских реформ, например, складывается как невероятно эклектичное переплетение элементов развитого и умеренного утилитаризма. В сущности, весь парадокс этих реформ заключался в том, что установление институтов развитого утилитаризма в России осуществлялось при помощи стратегий умеренного утилитаризма, рыночные отношения вводились нерыночными методами. Отнюдь не идея самоорганизации, но идея использования готовых (западных) образцов деятельности и социального взаимодействия составляла стержень рыночных реформ. Внимание реформаторов концентрировалось не столько на проблеме изучения культурного климата страны, формировании институтов, соответствующих этому климату, определении масштабных стратегий, стимулирующих развитие ее экономических структур, сколько на внедрении в российскую почву некоторой готовой – чужеродной модели рыночных отношений. Проблема формирования культуры предпринимательства, воспитания “промышленного человека”, полагающего высшей ценностью активную производительную деятельность котиновалась как вторичная, на первом месте стояли вопросы распределения. Молниеносный передел общественной собственности и установление институтов частной собственности оценивались как некоторые оптимальные способы реформирования экономики страны, как методы решения всех проблем переходности. Различного рода “ошибки” и “просчеты” рыночной реформы, такие как недооценка коррумпированности государственных структур, вследствие которой приватизация превратилась в “прихватизацию” – “вакханалию чиновничества”, бросившегося в “номенклатурную приватизацию”¹⁸, недооценка масштабов российского теневого бизнеса, тяготеющего скорее к приобретательству, чем к производству; наконец,

недооценка специфики менталитета новых русских собственников, которые “не хотели или не могли проявить себя в качестве предпринимателей индустриальной цивилизации, не спешили осуществлять производственные инвестиции, стремясь сначала насладиться богатством”¹⁹, еще раз подтверждают тот факт, что основным нравственным ориентиром рыночных реформ был умеренный утилитаризм, формирующий стратегии деятельности на основе использования готовых ее образцов. Таким образом, вновь возобладала давнишняя русская приверженность идеалам распределения в ущерб идеалам созидания, вновь взяли верх стратегии внедрения нового в ущерб стратегиям его “взращивания”.

Необыкновенная живучесть идеалов умеренного утилитаризма в определенной мере обусловлена тяготением правящей элиты к нравственным принципам традиционализма (соборности и авторитаризма), которые не потеряли своей власти над умами россиян. Маятниковая форма постсоветского реформаторства является реальным воплощением антиномичной нравственности российской государственной верхушки, которая склоняется то к стратегиям развитого утилитаризма и либерализма, то к стратегиям умеренного утилитаризма и авторитаризма. В таких условиях проблема соотношения частных и государственных интересов, индивидуальной и общественной пользы остается открытой. Такого рода колебания имели серьезные последствия для развития страны, в которой, по мнению исследователей, хилые ростки продуктивного капитализма оказались растоптанными двумя монстрами – старым государственно-монополистическим номенклатурным капитализмом, и новоявленным торгово-спекулятивным, авантюрно-ростовщическим²⁰. Закономерным итогом стал кризис инвестиционной деятельности, когда верхи – государство уже не могут вкладывать значительные средства в производство, а низы – новоявленные частные собственники – не хотят. Нравственный эклектизм, внутренняя антиномичность ценностно-смыслового пространства субкультуры правящей элиты делают невозможным главное – формирование некоторой цельной, логически непротиворечивой идеологии реформ, концептуальной стратегии модернизации. Двойственность, промежуточность нравственной позиции российской государственной верхушки является причиной неопределенности конкретных целей социального развития, невыявленности некоторого социального идеала, непоследовательности и

противоречивости конкретных преобразовательных мер, например, в таком вопросе как признание примата частной собственности. Утопизм и популизм реформаторской элиты рождаются вследствие механического соединения разнородных нравственных элементов – традиционных представлений и ценностей прагматизма, развитого утилитаризма. Пересаженный на традиционную почву прагматизм приобретает искусственные, умозрительные, не связанные с конкретной постсоветской реальностью формы. В целом, как представляется, попытки синтеза национальной и прагматической идей на уровне государственной идеологии не принесли пока положительных результатов, этот синтез остается делом будущего. Социальные надежды России связаны с его осуществлением.

Наиболее наглядное воплощение утилитарная двойственность культуры постсоветской России обретает в рамках субкультуры политической элиты. Антиномия “умеренный утилитаризм – развитый утилитаризм” достигает такой степени поляризации, что можно говорить о расколе этой субкультуры на два кардинально противоположных ценностно-смысловых блока, отношение которых складывается как непримиримое противостояние двух позиций, двух видений общественного прогресса, модернизации. Для одной из позиций типична сопричастность к ценностям развитого утилитаризма, предпринимательства, достижительности, экономического индивидуализма, частной собственности, рыночной экономики. Таковы, например, позиции “Яблока”.

Другая часть стоит на позициях умеренного утилитаризма – планового распределительного типа экономики. Например, экономические предложения, выдвинутые ЛДПР в 1995 г., фактически означали восстановление централизованного государственного планирования, а программа КПРФ в качестве долгосрочной цели выдвигала построение коммунистического общества, что предполагало полную ренационализацию средств производства²¹.

Важно подчеркнуть, что характер взаимоотношения расколотых частей не укладывается в категории политического плюрализма, речь идет о противостоянии. В результате этого противостояния “каждые национальные выборы превращаются, по существу, в битву за путь общественного развития”²². Крайняя поляризованность политической элиты России делает проблематичным формирование единой стратегии преобразования России.

Постоянная опасность реанимации прошлого, угроза возврата социалистических форм организации жизни общества толкают к революционным “шоковым” методам реформирования страны. Конечно, нельзя утверждать, что описанная ситуация исключает всякие возможности позитивных сдвигов. Последние, несомненно, имеются. Они свидетельствуют о медленном накоплении в культуре постсоветской России элементов развитого утилитаризма. Рост прагматических ориентаций влияет на динамику политических программ. “Если в 1995 г. из четырех партий и движений, прошедших в Думу по общефедеральному округу, две – КПРФ и ЛДПР – шли на выборы с программами откровенно нерыночной и даже антирыночной направленности, в то в 1999 г. экономические программы всех партий, за исключением КПРФ, в своей основе оказались рыночными. Но даже в программе КПРФ собственно экономическая составляющая в целом нейтральна к рынку...”²³. Таким образом, сегодня можно говорить о возникновении тенденции преодоления раскола в Думе по признаку “за” и “против” рынка. При этом важно акцентировать, что консолидирующую функцию в процессе преодоления конфронтации выполняет развитый утилитаризм.

Эклектичное наложение идеалов умеренного и развитого утилитаризма характерно для культуры экономической элиты современной России. Несомненно, идеалы развитого утилитаризма занимают определенное место в системе нравственных ориентиров этой субкультуры, однако ведущие позиции принадлежат идеалам умеренного утилитаризма. Иными словами, ставка делается не на производство, но на быстрое обогащение, накопление: “...срывание большого куша” оказывается более предпочтительным, чем делание бизнеса”²⁴. Жажда наживы заглушает нравственные императивы духа предпринимательства и достижительности. По замечанию Л.Григорьева, “российские бизнесмены ведут себя не как рациональные хозяева, а как “разовые” налетчики”²⁵. Закономерным итогом выдвижения на первый план нравственных ориентаций умеренного утилитаризма становится такое явление как низкие этические стандарты деловой жизни, криминализация экономических отношений. Например, большинство руководителей и владельцев предприятий в России в настоящее время рассматривают предприятие преимущественно с точки зрения быстрого личного обогащения: “Сегодня преобладают два основных типа руководителей: одни стремятся к

“ограниченной минимизации” масштабов предприятия, т.е. к сокращению его размеров до уровня, обеспечивающего его директору безбедное существование; другие предпочитают довести дело до банкротства и практической ликвидации предприятия, поскольку это оказывается для директора более выгодным, чем несение предприятием эксплуатационных расходов (подчеркнем, что во всех случаях речь идет о редукции предприятия, необусловленной долгосрочными спросовыми ограничениями”²⁶. Это относится и к собственникам-инвесторам предприятий, для которых “оценка корпоративных акций намного теснее связана со структурой фондового рынка, чем с финансово-экономическим состоянием самого предприятия ... наибольшую пользу акции могут принести в момент ликвидации предприятия... В итоге инвесторы не заинтересованы в расширении производства”²⁷.

Таким образом, современный российский предприниматель отнюдь не одержим страстью расширения дела, так же как не склонен он считать бизнес смыслом своего существования. Стил жизни современных русских предпринимательских кругов во многом является культурной реминисценцией образцов поведения российской дореволюционной торгово-промышленной элиты: “Быстро разбогатевшие предприниматели – “новые русские” – поражают соотечественников и весь мир не своими хозяйственными начинаниями, а демонстративной роскошью, напоминающей скорее образцы купеческого разгула, чем аскезу “протестантской этики”²⁸. Значительный удельный вес ориентаций умеренного утилитаризма в ценностно-смысловом гибриде субкультуры российского предпринимательства определяет диспропорциональность развития сферы обращения и сферы производства, главенствующие позиции торгового, но не промышленного предпринимательства. Исследователи утверждают, что торгово-спекулятивный, авантюрно-ростовщический тип капитализма, концентрирующий свои усилия на делании денег из денег, вдохновляемый принципом “не обманешь – не продашь”, занимает пока лидирующие позиции в российском бизнесе, подавляя и оттесняя промышленный, индустриальный капитализм, ориентированный на получение богатства из высокопроизводительного труда, руководствующийся принципом “честность – лучшая политика”²⁹.

Необычайная стойкость идеалов умеренного утилитаризма в рамках субкультуры предпринимательства является следствием как массового

истребления носителей культуры развитого утилитаризма в годы советского террора, так и культурной инерции – приверженности современного предпринимательства стереотипам традиционной, в том числе и советской, хозяйственной культуры. Любопытным проявлением власти архаических структур над умами россиян может служить, например, такой выделяющий Россию из числа стран с переходной экономикой феномен как бартер. Экономисты утверждают, что “сегодняшний бартер возник на базе прежней системы натурального восприятия, учета и распределения промышленной продукции...”³⁰.

Таким образом, типичное для современной России частичное преодоление разрыва в утилитаризации разных слоев общества не исключает значимости идеалов умеренного утилитаризма в русской культуре.

* * *

При всем разнообразии социокультурных и исторических вариаций утилитаризма в России нельзя не фиксировать их общего базового признака – принадлежности к умеренному типу. При этом примат примитивных форм утилитаризма в русской культуре нельзя оценивать лишь как болезнь роста, издержки переходности. Налицо заикленность культуры, которая приобретает патологический характер, отливается в форму “застывания”, подавляющего инновационную активность человека, сковывающую производительные силы общества. Дефицит зрелого производительного утилитаризма оборачивается не только периодической нехваткой средств жизнеобеспечения, бедностью и хозяйственной неэффективностью, но и постоянной угрозой архаизации общества, реанимации примитивных форм социально-экономического бытия. Неспособность к освоению утилитарных смыслов во всей их полноте и разнообразии превращается в неспособность к развитию, самоорганизации, формированию новых более эффективных стратегий жизнедеятельности. Возникает закономерный вопрос – в чем причина столь проблематичного существования идеалов развитого утилитаризма в русской культуре?

Мировой опыт свидетельствует, что важнейшим условием существования развитого утилитаризма – достигательного индивидуализма, производительного предпринимательства – является такой феномен как

диалектическое взаимодействие интересов – частного и общего, индивидуального и группового, государственного и гражданского. Иными словами, развитый утилитаризм может иметь место лишь в таком обществе, где общенациональная польза понимается как гармоничное сочетание пользы личной, общественной, государственной. В России гипертрофия государственного интереса, в силу существующих прямых и обратных связей в культуре способствовала консервации примитивных форм утилитаризма.

Присущая русской культуре односторонность интерпретации утилитарного принципа пользы не утратила своей актуальности в ментальности современных россиян, которыми руководит идея сопричастности к идеалам личной пользы и соответственно, отчуждение от идеалов пользы общественной, государственной. В результате актуализируются хищнически-свокорыстные примитивные, а не развитые формы утилитаризма.

Внутренняя динамика утилитаризма, связанная с преодолением ограниченности его умеренных и актуализацией развитых форм, является важнейшим условием и предпосылкой перехода от традиционализма к либерализму. Можно утверждать, что, во всяком случае, в массовой культуре выход к либеральным смыслам инициируется этим внутриутилитарным сдвигом. Именно этот участок утилитарного роста является решающим звеном цепи модернизационных изменений культуры. Главным способом поворота модернизационных процессов в позитивное, созидательное русло является культивирование развитого утилитаризма. Воспитание духа предпринимательства, достижения, инициативности, рационального прагматизма – главный способ решения проблем переходности.

Особенно это относится к России, где дефицит зрелого утилитаризма является сегодня наиболее острым. Причем этот дефицит есть нравственная, мировоззренческая проблема, ее решение не может быть достигнуто техническими мерами, необходим внутренний мировоззренческий сдвиг, нравственная метаморфоза. Судьба России зависит от способности общества, преодолев инерцию устаревших форм, сделать шаг в будущее.

Литература

1. Троцкий Л. Ленин и старая Искра // Силуэты: политические портреты: А.Луначарский, К.Радек, Л.Троцкий. – М., 1991. – С.19.
2. Баталов Э. Перестройка и судьба России // Общественные науки и современность. М., 2000. – № 2. – С.32.
3. Бузгалин А. Мутантный капитализм как продукт полураспада мутантного социализма // Вопросы экономики. – М., 2000. – № 6. – С.112.
4. Зубов А.Б. Границы разломов и уровни единства в современной России: уроки социологического исследования // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. М., 1998. – № 2. – С.92.
5. Цит. по: Плискевич Н.М. Российское общество в новых социологических исследованиях // Общественные науки и современность. – М., 2000. – № 2. – С.31.
6. Левада Ю.А. От мнений к пониманию: Социологические очерки. 1993–2000. – М., 2000. – С.454.
7. Дилигенский Г.Г. “Запад” в российском общественном сознании // Общественные науки и современность. – М., 2000. – № 5. – С.9, 16.
8. Перевалов Ю., Басаргин В. Формирование структуры собственности на приватизированных предприятиях // Вопросы экономики. – М., 2000. – № 5. – С.90.
9. См.: Капелюшников Р. Задержки зарплаты и экономическое поведение: микроэкономический подход // Вопросы экономики. – М., 2000. – № 9. – С.76.
10. Титов В.Н. Вещевой рынок как социальный институт // Общественные науки и современность. – М., 1999. – № 6. – С.24.
11. Яковенко И.Г. Предпринимательские ценности в маргинальной среде // Модернизация в России и конфликт ценностей. – М., 1994. – С.196.
12. Буздалов И.Н. Аграрные преобразования в России и других странах СНГ // Общественные науки и современность. – М., 1998. – № 6. – С.34.
13. См.: Серова Е. Общественное мнение о российской аграрной реформе // Вопросы экономики. – М., 2000. – № 7. – С.25.
14. Соловьев А. Этика бюрократии: постсоветский синдром // Общественные науки и современность. – М., 1995. – № 4. – С.54.
15. Там же.
16. См.: Механик А.Г. Финансовая олигархия или бюрократия? Мифы и реалии российской политической власти // Общественные науки и современность. – М., 1999. – № 1. – С.39–45;
Зудин А.Ю. Олигархия как политическая проблема российского посткоммунизма // Общественные науки и современность. – М., 1999. – № 1. – С.45–66.
17. См.: Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность. – М., 1997.
18. См.: Плискевич Н. Что же мы делим? // Общественные науки и современность. – М., 1995. – № 4. – С.29

19. Гусейнов Р. История экономики России. – Новосибирск, 1998. – С.330–331.
20. См.: Давыдов Ю.Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология: актуальные проблемы веберовского социологического учения. – С.503.
21. Дмитриев М. Эволюция экономических программ ведущих политических партий и блоков России // Вопросы экономики. – М., 2000. – № 1. – С.32.
22. Кива А.В. После социализма: некоторые закономерности переходного периода // Общественные науки и современность. – М., 1997. – № 2. – С.32.
23. Дмитриев М. Эволюция экономических программ ведущих политических партий и блоков России // Вопросы экономики. – М., 2000. – № 1. – С.37.
24. Клейнер Г. Эволюция и реформирование промышленных предприятий: десять лет спустя // Вопросы экономики. – М., 2000. – № 5. – С.70.
25. Григорьев Л. К новому этапу трансформации // Вопросы экономики. – М., 2000. – № 4. – С.15.
26. См.: Давыдов Ю.Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология: актуальные проблемы веберовского социологического учения. – С.69.
27. Там же. – С.71–72.
28. Зарубина Н.Н. Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. – С.149.
29. См.: Давыдов Ю.Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология: актуальные проблемы веберовского социологического учения. – С.467–490.
30. Макаров В., Клейнер Г. Бартер в России: институциональный этап // Вопросы экономики. – М., 1999. – № 4. – С.83.